

Генеральная Ассамблея

Шестьдесят первая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
17 November 2006

Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 18-м заседании,

состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, в среду, 1 ноября 2006 года, в 10 ч. 00 м.

Председатель: г-н Гомес Робledo ..... (Мексика)
затем: г-н Баррига (заместитель Председателя) ..... (Лихтенштейн)

Содержание

Пункт 78 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief of the Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza) и вноситься в экземпляр отчета.

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

Заседание открывается в 10 ч. 10 м.

Пункт 78 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии (продолжение) (A/61/10)

1. **Г-н Памбу-Чивунда** (Председатель Комиссии международного права), представляя главы X–XII доклада Комиссии, говорит в отношении главы X “Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров”, что в 2006 году Комиссии был представлен второй доклад Специального докладчика, охватывающий проекты статей 1–7 (A/CN.4/570 и Согг.1). Главное внимание в докладе уделялось замечаниям по этим проектам статей, внесенным Комиссией и Шестым комитетом в 2005 году.

2. Обобщая дискуссию в Комиссии (A/61/10, пункты 182–211), он говорит, что указывалось на невозможность проведения четкого разграничения между правом международных договоров и другими отраслями международного права, особенно в том, что касается запрета на применение или угрозу применения силы в международных отношениях. Были выдвинуты предложения о расширении сферы охвата этой темы, с тем чтобы включить в нее, в частности, последствия для прав третьих государств – участников договора, разграничение между последствиями для конкретных положений договора и последствиями для договора в целом, а также между последствиями для самого договора и последствиями для возникающих из него обязательств.

3. В отношении употребления терминов проект пункта b) статьи 2, в котором определяется термин “вооруженный конфликт”, вызвал споры. Вновь были выражены мнения в пользу включения в это определение конфликтов, не носящих международный характер, военной оккупации и территорий, находящихся под международным управлением. Однако каждое из этих предложений подверглось критике, особенно по той причине, что последние ситуации традиционно не рассматриваются как подпадающие под определение международного конфликта. Была выражена обоснованная позиция, согласно которой государство-агрессор не может быть поставлено в равное положение с государством, осуществляющим свое право на самооборону, как на индивидуальной, так и на коллективной основе, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

4. Было выражено общее мнение в поддержку сохранения проекта статьи 3, хотя и с учетом редакционных поправок. Как и в 2005 году проект статьи 4 вызвал критические замечания по причине использования в нем критерия намерения. Было заявлено, что этот критерий утратил свое значение после Второй мировой войны и что нереалистично предполагать, будто в момент заключения договора стороны предусматривают последствия вооруженного конфликта для этого договора. Замечания по проекту статьи 5 касались преимущественно ее формулировки. Предложение Специального докладчика об изъятии проекта статьи 6 получило общую поддержку. По проекту статьи 7 были вновь высказаны предложения о включении или изъятии конкретных категорий договоров. Специальный докладчик предложил заменить перечень международных договоров приложением, в котором приводились бы примеры практики государств или судебных решений. Другое предложение касалось перечисления факторов, на основании которых можно сделать вывод, что договор или некоторые его положения должны продолжать действовать или их действие должно быть приостановлено либо прекращено в случае вооруженного конфликта. И наконец, было решено не передавать проекты статей в рабочую группу, а дождаться третьего доклада Специального докладчика.

5. Возвращаясь к главе XI “Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*)”, оратор напоминает, что этот вопрос был включен в программу работы Комиссии в 2005 году. На своей пятьдесят восьмой сессии Комиссия рассмотрела предварительный доклад Специального докладчика (A/CN.4/571), в котором содержится ряд соображений по существу этой темы, отмечены наиболее важные вопросы для дальнейшего рассмотрения и включен предварительный план действий в отношении будущей работы.

6. Обобщая дискуссию в Комиссии (A/61/10, пункты 215–232), оратор говорит, что значительная часть дискуссии была посвящена предложениям о сужении сферы охвата темы, например, ограничив ее только определенными категориями преступлений, предусмотренных в международном праве, и, в частности, наиболее серьезными преступлениями, и ограничив работу целью обязательства, а именно, бороться с безнаказанностью путем ликвидации “безопасных гаваней” для лиц, подозреваемых в совершении таких преступлений. Кроме того,

обсуждался вопрос о статусе обязательства согласно международному обычному праву. Было предложено также, чтобы Комиссия рассмотрела некоторые практические трудности, возникающие в процессе экстрадиции (выдачи). В отношении предложения Специального докладчика изучить вопрос о связи данной темы с принципом универсальной юрисдикции была высказана общая поддержка в пользу проведения четкого разграничения между этими понятиями и необходимости сосредоточиться только на обязанности выдавать или осуществлять судебное преследование. Специальный докладчик предостерег также от применения так называемой “тройной альтернативы”, предполагающей параллельную юрисдикцию какого-либо международного судебного органа.

7. Предварительно была выражена поддержка в пользу разработки процедур в соответствии с проектами правил, которые должен представить Специальный докладчик. Комиссия также рекомендовала проводить будущую работу по этой теме на основе систематического изучения практики государств, уделяя при этом основное внимание современной практике, в том числе решениям национальных судов. Соответственно, в пунктах 30 и 31 доклада Комиссии содержатся дополнительные сведения о виде информации, которую Комиссия желала бы получить от правительств по этой теме.

8. В отношении главы XII “Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права”, оратор напоминает о том, что эта тема была включена в программу работы Комиссии в 2002 году. Комиссия учредила Исследовательскую группу, которая завершила свою работу в 2006 году, что позволило Комиссии также завершить свою работу по этой теме. Цель деятельности Исследовательской группы заключалась в подготовке итогового документа, состоящего из двух частей. Первая часть, в которой должны были быть кратко изложены выводы, сделанные на основании исследований и прений в рамках Исследовательской группы, содержится в разделах D.I и D.II главы XII, озаглавленных, соответственно, “История вопроса” и “Выводы по итогам работы Исследовательской группы”. В частности, в разделе D.II были представлены 42 вывода как набор конкретных и ориентированных на практику кратких заключений, в которых кратко излагаются выводы Исследовательской группы и которые служат практическими руководящими принципами,

помогающими в анализе и рассмотрении вопроса о фрагментации в юридической практике. Как отмечается в главе II доклада Комиссии, она приняла к сведению эти выводы и рекомендовала их для рассмотрения на Генеральной Ассамблее.

9. Вторая часть итогового документа была задумана как относительно большое аналитическое исследование, подготовленное на основе набросков и исследований, представленных отдельными членами Исследовательской группы, в котором предстояло описать фрагментацию, опираясь, в частности, на Венскую конвенцию о праве международных договоров. Аналитическое исследование, на основе которого были сделаны 42 вывода, было окончательно доработано (A/CN.4/L.682 и Сог.1), размещено на веб-сайте Комиссии и подлежало включению в ее *Ежегодник*.

10. В соответствии с предыдущими решениями Комиссии Исследовательская группа сосредоточилась на существенных аспектах фрагментации, оставив в стороне институциональные соображения, имеющие отношение к фрагментации, такие как юрисдикционная коллизия между конкретными судебными органами. В целом Исследовательская группа приняла подход, в соответствии с которым международное право рассматривается как правовая система. По ее мнению, нормы и принципы такой системы взаимодействуют с другими нормами и принципами и должны толковаться на их фоне. Общее связано с частным в сплетении взаимосвязей, в которых ни один режим не является автономным в том смысле, что он не может действовать в вакууме без какой-либо связи с общим международным правом.

11. Различные взаимосвязи норм существуют на нескольких уровнях, и вертикально (как в случае иерархических норм), и горизонтально. Формулирование норм может предполагать большую или меньшую степень конкретности и обобщенности, и их действительность или приоритетность может относиться к более ранним или более поздним моментам времени. В такой основанной на нормах системе при урегулировании конфликтов применяются общие принципы толкования договора, включая принцип гармонизации, принцип интеграции и такие принципы, как *lex specialis*, *lex posterior*, *lex prior* и *lex superior*. Статьи 30, 31, 32, 41 и 53 Венской конвенции о праве международных договоров служат основанием для решения сложных правовых вопросов. Венская конвенция обеспечивает все инструменты права

международных договоров, которые необходимы для решения большинства проблем, возникающих в международном праве как правовой системе.

12. Изложенные в разделе D.II 42 вывода отражают общие усилия, направленные на разрешение существенных проблем фрагментации. В общих выводах 1–4 рассматриваются взаимосвязи норм в рамках той правовой системы, в которой практические работники занимаются правовым обоснованием решения в случае коллизии норм. Исследовательская группа сосредоточилась на четырех подходах к разрешению коллизии норм в международном праве. Первый подход имеет отношение к взаимосвязи между специальным и общим правом, как показано в выводах 5–16, сделанных на основании исследования функции и сферы применения нормы *lex specialis*, и вопросу об автономных режимах. Второй подход связан с отношениями между правом и его нормативной средой. Этот аспект рассматривается в выводах 17–23, сделанных на основе исследования в отношении толкования международных договоров, учитывая “любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношении между участниками” (подпункт с) пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров). Третий подход касается отношений между *lex prior* и *lex posterior*, которые отражены в выводах 24–30, сделанных на основе изучения вопроса о применении последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу (статья 30 Венской конвенции), а также изучения вопроса об изменении многосторонних договоров только во взаимоотношениях между определенными участниками (статья 41 Венской конвенции). Четвертый подход касается взаимосвязи между правовыми нормами на различных уровнях иерархии, что отражено в выводах 31–41, сделанных на основе изучения иерархии норм в международном праве, в частности *jus cogens*, обязательств *erga omnes* и статьи 103 Устава Организации Объединенных Наций. В выводе 42 рассматривается всеобъемлющая тема исследования, а именно, принцип гармонизации, который, как признается, имеет свои собственные ограничения, особенно когда речь идет о подлинной коллизии. Хотелось бы надеяться, что выводы помогут тем, кто воспользуется ими, сосредоточиться на ключевых вопросах, что позволит им решить сложные правовые проблемы, связанные с коллизией норм.

13. Фрагментация международного права, несомненно, отражает разнообразие международного общественного

порядка. Таким образом, она представляет собой естественное и неизбежное явление. На самом деле, один из главных выводов аналитического исследования заключается в том, что появление специальных режимов или иных форм функциональной специализации в международном праве не нанесли серьезного ущерба правовой безопасности, предсказуемости или равноправию субъектов права. В то же время международная система не является однородной или иерархической. Поэтому необходимо уделять больше внимания вопросам, касающимся коллизии норм и режимов, а также принципам, методам и способам разрешения таких коллизий. Существует очевидная необходимость в том, чтобы в непрерывном процессе правового обоснования с целью разрешения возникающих коллизий практические работники проявляли профессиональную осторожность.

14. Эта тема была включена в повестку дня сессии Комиссии по причине опасений, что единство международного права находится под угрозой и что “общее” может уступить “специальному”. Результаты работы Исследовательской группы позволяют надеяться, что, возможно, пока это не совсем так. Общее международное право служит стержнем, удерживающим отношения между государствами в рамках международной правовой системы. По мере расширения свода норм международного права занимающиеся им специалисты-практики должны обеспечить разрешение коллизий с учетом преобладания общего международного права.

15. **Г-жа Якобсон** (Швеция), выступая от имени скандинавских стран (Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция), говорит, что эти страны с самого начала проявляли большой интерес к данной теме, касающейся фрагментации международного права. Во-первых, эта тема очень важна; во-вторых, Комиссия взялась за работу над темой, которая необязательно приводит к дальнейшей кодификации или прогрессивному развитию международного права. Скорее, помогая объяснить то или иное явление в современной правовой среде, она решает вопрос о том, как специалисты в области международного права должны рассматривать практические последствия расширения сферы применения и распространения международного права.

16. Скандинавские страны рассматривают фрагментацию международного права как признак жизнеспособности и роста влияния международного права. Государства регулируют реальные и

потенциальные проблемы с помощью разнообразных правовых документов и новых или существующих институтов. Появившаяся в результате диверсификация или фрагментация международного права может вызывать достаточно много проблем. Представленные Исследовательской группой 42 вывода носят практический характер и помогут специалистам-практикам и теоретикам применять системный подход при анализе и решении проблем, возникающих из коллизии или параллельного существования норм.

17. В своих выводах Исследовательская группа во многом полагается на государства как на создателей правовых норм и подчеркивает, что большинство норм международного права являются диспозитивными. Особое внимание уделяется прямо и косвенно принципу *pacta tertiis nec nocent nec prosunt* (соглашения не должны ни возлагать обязательств на третьи стороны, ни приносить им выгоды). Хотя Исследовательская группа права в том, что в качестве основы для своего анализа она применяла Венскую конвенцию о праве международных договоров или отраженные в ней принципы, скандинавские страны сожалеют, что она оставила в стороне вопрос об институтах и пришла к заключению, что вопрос об институциональной компетенции лучше решать самим этим институтам. Поскольку государства создают, используют и даже закрывают институты, институциональная компетенция должна быть признана как продукт государства. В этом качестве она в конечном счете подчинена воле государств, какими бы сильными и независимыми ни были или ни казались эти институты. Поэтому не вполне правильно оставлять институциональные вопросы на усмотрение самих институтов. Вопрос об институциональной компетенции, ее взаимосвязи с материально-правовой системой и месте в этой системе определенно заслуживает дальнейшего изучения.

18. С учетом вышеизложенного скандинавские страны считают, что выводы Исследовательской группы будут использованы в такой же мере, как и статьи Комиссии об ответственности государств. Хотелось бы надеяться, что весь свод документов Комиссии по существу фрагментации международного права, которые служат ценными комментариями к выводам Исследовательской группы, привлекут внимание издателей, которые сделают их доступными для широкого международного сообщества.

19. **Г-жа Попова** (Болгария) говорит, что ее делегация поддерживает общий подход, предложенный

Специальным докладчиком в отношении последствий вооруженных конфликтов для международных договоров. Она согласна, в частности, с мнением, что договоры должны продолжать действовать во время вооруженного конфликта, если не существует реальной необходимости в приостановлении или прекращении их действия, и это мнение можно обосновать принципом *pacta sunt servanda* и целью обеспечения безопасности правовых отношений между государствами. Болгария также поддерживает мнение, что данная тема, будучи тесно связанной с другими областями международного права, такими как гуманитарное право, право о самообороне и ответственности государств, тем не менее является частью права международных договоров. Третий элемент общего подхода, поддерживаемый ее делегацией, – это применение дифференцированного метода, согласно которому для разных договоров могут возникать различные последствия.

20. В отношении сферы применения (проект статьи 1) возникает вопрос о том, должны ли проекты статей предусматривать разграничение между двусторонними и многосторонними международными договорами. По мнению ее делегации, при составлении статей следует следовать в этом отношении схеме, предусмотренной в Венской конвенции о праве международных договоров. Кроме того, Болгария выступает за расширение сферы применения проектов статей, с тем чтобы они охватывали соглашения, заключенные между международными организациями и между государствами и международными организациями, а также региональные соглашения. Таким образом проекты статей будут также распространяться на соглашения о привилегиях и иммунитетах международных организаций и их должностных лиц. Ее делегация выступает также за распространение сферы применения проектов статей на международные договоры, применяемые на временной основе, как предусмотрено в статье 25 Венской конвенции, поскольку такие договоры на самом деле действуют, и, следовательно, вооруженный конфликт может повлиять на них таким же образом, как и на договоры, которые уже вступили в силу. Разумеется, следует признать, что сама Конвенция не содержит общей нормы о приостановлении или прекращении временного применения договоров, а рассматривает только ситуацию, когда временное применение договора прекращается по причине заявленного намерения государства не становиться его участником. Тем не менее следует задуматься над вопросом о том,

должно ли возникновение вооруженного конфликта приостановить или прекратить временное применение договоров, сами договоры или и то, и другое. В целях обеспечения ясности и стабильности правовых отношений Болгария предпочла бы последний вариант, но готова согласиться и с иными мнениями.

21. В отношении употребления терминов (проект статьи 2) определение термина “вооруженный конфликт” является одним из наиболее спорных аспектов данной темы. Хотя существует согласие, что проекты статей не должны касаться вопроса о законности вооруженных конфликтов, высказаны самые разные мнения относительно того, что следует включить в это определение, и споры происходят в основном вокруг вопроса о включении или исключении немеждународных вооруженных конфликтов. В последнее время гораздо чаще происходят не международные, а внутренние вооруженные конфликты, и разница между ними нередко бывает размытой. Узкое определение будет способствовать укреплению международного режима, а широкое определение может подорвать его, и все-таки узкое определение ограничит значимость проектов статей. Определение, использованное в деле “Обвинитель против Душко Тадича”, которое рассматривалось в Международном трибунале по бывшей Югославии и на которое сослался Специальный докладчик в своем втором докладе (A/CN.4/570, пункт 10), включает немеждународные вооруженные конфликты, в том числе внутренние конфликты, в которых не участвуют правительственные вооруженные силы, и избегает последствий, возникающих в результате нежелания некоторых государств формально объявить о состоянии войны. Ее делегация надеется, что данную проблему можно решить, сделав акцент на ограничении, указанном в вводной части проекта статьи 2, а именно, что определение предназначено лишь “для целей настоящих проектов статей”. Определение, примененное в деле Тадича, или более простая формулировка, указывающая, что статьи применяются к вооруженным конфликтам, независимо от того, была ли объявлена война, можно использовать как отправной пункт для дальнейшего обсуждения. Делегация оратора не поддерживает вариант следования формулировке статьи 73 Венской конвенции, в которой употребляется синоним “военные действия”, поскольку этот термин также требует определения. Более того, “начало военных действий” имеет временной оттенок и касается только начальной стадии конфликта. Это было бы вполне уместно в случае проекта статьи 3, но не

подходит для проекта статьи 2. Разумеется, термин “вооруженный конфликт” можно употреблять, не давая ему определения, с тем чтобы в каждом конкретном случае решать вопрос о том, применяются ли проекты статей к данному вооруженному конфликту с учетом характера и масштаба конфликта, но в таком случае потребовались бы определения терминов “характер” и “масштаб” конфликта.

22. Ее делегация согласна с тем, что проект статьи 3 отражает главный смысл положений и означает отход от традиционной доктрины, согласно которой вооруженные конфликты прекращают действие международных договоров. Болгария приветствует решение о замене слов “*ipso facto* не” на слово “необязательно”, поскольку эта формулировка позволяет устранить последствия войны для некоторых международных договоров.

23. В отношении проекта статьи 4 Болгария разделяет опасения других делегаций относительно трудностей в установлении намерения сторон и считает, что критерии для сохранения договора во время вооруженного конфликта следует устанавливать на основе характера, объекта и цели. Ориентировочный перечень, приведенный в проекте пункта 2 статьи 7, является в этом отношении необходимым. Намерение следует устанавливать только в случае договоров, регулирующих границы. Болгария присоединяется к общей поддержке проекта статьи 5, в которой прямо подтверждается принцип, предусматривающий, что международные договоры, содержащие прямо выраженные положения о сохранении их действия во время вооруженного конфликта, должны оставаться в силе в военное время, и принцип, согласно которому вооруженный конфликт не влияет на способность государств заключать международные договоры. Проект статьи 6 о международных договорах, имеющих отношение к причине возникновения вооруженного конфликта, соответствует общему принципу сохранения действия договоров во время вооруженного конфликта. Была установлена общая и подходящая презумпция, согласно которой международные договоры, статус или толкование которых послужили причиной вооруженного конфликта, должны оставаться в силе, если стороны не подтвердили обратное намерение. Это имеет отношение к статье 60 Венской конвенции о праве международных договоров, в которой рассматривается гипотеза существенного нарушения как основания для прекращения или приостановления действия договора; но в данном проекте статьи сделан еще один шаг вперед, поскольку

статус и толкование договора рассматриваются как возможное основание для прекращения или приостановления его действия.

24. В отношении проекта статьи 7 ее делегация согласна с тем, что некоторые категории международных договоров, перечисленные в пункте 2, можно классифицировать как “нормообразующие договоры” в том смысле, что эти договоры создают нормы, регулирующие будущее поведение сторон, не создавая международного режима, статуса или системы. Хотя невозможно спорить с мнением, согласно которому большинство международных договоров не подпадают автоматически под одну из нескольких перечисленных категорий, проект статьи 7 в его нынешней формулировке полезен, поскольку ориентировочный перечень может обеспечить ясность и дать указание в так называемых “промежуточных случаях”. Разумеется, можно разработать приложение, которое либо заменит пункт 2 проекта статьи, либо дополнит его.

25. **Г-н Хафнер** (Австрия), касаясь темы “Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров”, говорит, что его делегация хотела бы подтвердить свою позицию, согласно которой проекты статей должны распространяться только на международные вооруженные конфликты. Как отметил сам Специальный докладчик, расширение сферы их применения увеличит число проблем. Могут возникнуть трудности при проведении разграничения между международными и немеждународными вооруженными конфликтами, но ограничение сферы применения оправдано по нескольким причинам. Во-первых, международное гуманитарное право пока еще основано на таком разграничении. Во-вторых, другое государство – участник договора может и не знать о существовании немеждународного вооруженного конфликта в государстве-участнике, так что включение таких конфликтов в сферу применения проектов статей подорвет стабильность и предсказуемость, которые являются двумя главными целями международного правопорядка. В-третьих, поскольку в немеждународном вооруженном конфликте не участвует никакое другое государство-участник, то остается неясным, к каким другим государствам-участникам будут применяться проекты статей. На самом деле такие ситуации должны регулироваться положениями права международных договоров. Понятно, что не следует рассматривать в проектах статей и другие явления, такие как “борьба с терроризмом”. Однако его делегация поддерживает

распространение проектов статей на военную оккупацию, как она рассматривается в Женевских конвенциях 1949 года и Гаагской конвенции 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, а также на договоры, участниками которых являются международные организации.

26. Его делегация с большим интересом относится к будущей работе Комиссии в отношении обязательства осуществлять экстрадицию или судебное преследование. Специальный докладчик уже упомянул австрийское законодательство в своем предварительном докладе (A/CN.4/571, пункт 44).

27. Выводы, представленные Исследовательской группой относительно фрагментации международного права, принесли заслуживающие внимания результаты, которые соответствуют первоначальным ожиданиям, и убедительно продемонстрировали, что задача Комиссии не ограничивается кодификацией, а охватывает и другие направления работы, касающиеся развития и применения международного права. Выводы привлекли внимание к проблемам, возникающим в результате все большего разнообразия норм международного права, и указали на правовые методы и существующие нормы, которые регулируют отношения между различными режимами международного права. Его делегация надеется, что 42 вывода будут приняты к сведению Генеральной Ассамблеей и опубликованы в *Ежегоднике Комиссии международного права*. Его делегация согласна с выводами *grosso modo*. Однако их формулировка свидетельствует о существовании правовых проблем, связанных с данной темой, так как в них нередко применяются неопределенные выражения, такие как “часто” или “преимущественно”, и это говорит о том, что общая система международного права не дает четких указаний относительно того, как разрешать возможные коллизии норм, а этот вопрос еще больше обостряется с учетом растущей фрагментации. Для более подробного ознакомления с замечаниями по этой теме он предложил обратиться к письменному заявлению его делегации.

28. **Г-н Тайима** (Япония) говорит, что в проектах статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров следует провести разграничение между последствиями для двусторонних договоров и последствиями для многосторонних договоров, а также между воюющими государствами и третьими государствами. Без таких разграничений невозможно установить в конкретном случае, будет ли приостановлено или прекращено действие договоров в

результате вооруженных конфликтов. Более того, было бы неправильно, с учетом Устава Организации Объединенных Наций, исходить из того, что не существует разницы между государством-агрессором и государством, осуществляющим свое право на самооборону в аспекте правовых последствий вооруженного конфликта для договорных отношений. Его делегация согласна с тем, что, помимо вооруженных конфликтов между государствами, следует рассмотреть ситуации с участием сторон, не являющихся государствами, такие как немеждународные вооруженные конфликты и террористические акты. Однако, поскольку последствия вооруженного конфликта с участием сторон, не являющихся государствами, для международных договоров не будут точно такими же, как последствия вооруженного конфликта с участием только государств, было бы целесообразно рассмотреть такие различия. Его делегация согласна с решением Комиссии, согласно которому проекты статей еще не готовы для передачи в Редакционный комитет.

29. Его правительство особенно заинтересовано в установлении того, в какой мере обязательство по выдаче или осуществлению судебного преследования стало нормой международного обычного права, поскольку неопределенность в этой области может вызвать проблемы в решении вопроса о безнаказанности. Комиссия запросила информацию о законодательстве и практике в этом вопросе. Что касается договоров, предусматривающих обязательство выдать или осуществить судебное преследование, Япония вступила в многосторонние договоры, такие как договор о борьбе с терроризмом, включая Конвенцию о защите ядерного материала, договоры о борьбе с наркотиками, включая Единую конвенцию о наркотических средствах, и договоры о борьбе с коррупцией, включая Конвенцию о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках. Она не сделала оговорок ни к одному из этих договоров. Япония также заключила двусторонние договоры о выдаче с Соединенными Штатами Америки и Республикой Корея, которые обязывают стороны выдавать беглецов другой стороне по ее просьбе. Однако согласно этим договорам существует несколько ограничений на выдачу, и они не содержат какого-либо положения об обязательстве выдать или осуществить судебное преследование, по крайней мере в строгом смысле, а японское законодательство о выдаче также не предусматривает такого обязательства.

30. Хотя оба документа, подготовленные Исследовательской группой по фрагментации международного права – аналитическое исследование и выводы – не отражают коллективного мнения всей Комиссии и не имеют правовых последствий для толкования соответствующих международных договоров и принципов, они, тем не менее, имеют значительную ценность в том, что указывают государствам возможные способы решения данного вопроса в практике их международных отношений. Его делегация по достоинству оценивает важность принципа гармонизации в толковании и надеется, что выводы Исследовательской группы будут широко использоваться как полезное руководство.

31. **Г-н Ламмерс** (Нидерланды), касаясь темы “Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров”, говорит, что во втором докладе Специального докладчика (A/CN.4/570 и Согг.1) вопрос о сфере применения рассматривается довольно сжато и несколько неточно. Комиссия обсуждала аспект временного применения как вопрос о том, должны ли проекты статей охватывать международные договоры, которые еще не вступили в силу. Это представляется упрощенным подходом к реальной практике применения международных договоров, поскольку существуют договоры, которые еще не вступили в силу, но временно применяются некоторыми государствами, и могут также существовать договоры, которые вступили в силу для некоторых государств и временно применяются другими государствами. Вопрос заключается в том, достаточно ли учитывает в своей работе Специальный докладчик многослойный характер договорных отношений. Возможно, необходимо провести разграничение между последствиями вооруженного конфликта для двусторонних договоров и договоров с ограниченным числом участников, с одной стороны, и последствиями для многосторонних договоров – с другой.

32. Относительно определения вооруженного конфликта в проекте статьи 2 важно иметь в виду, что в настоящее время не существует какого-либо определения термина “вооруженный конфликт”. Комиссия должна постараться не сформулировать такого определения, которое могло бы создать проблемы в других отраслях права, таких как право вооруженных конфликтов. Возможно, было бы полезно обратиться в Международный комитет Красного Креста по этому вопросу, с тем чтобы убедиться, что принятое определение не ставит под сомнение важную работу,

проделанную в области международного гуманитарного права. Сформулированное на настоящий момент определение является несколько сжатым и основано на устаревших понятиях “война” и “объявление войны”.

33. Его делегация предпочитает включить в определение термина “вооруженный конфликт” немеждународные вооруженные конфликты, поскольку такие конфликты могут серьезно отразиться на способности государства выполнить свои договорные обязательства. По той же причине определение должно включать военную оккупацию. Включение немеждународных вооруженных конфликтов содержало бы ссылку на реальную ситуацию и никоим образом не выражало бы поддержку любой из сторон такого конфликта. Неспособность выполнять договор устанавливалась бы на основе оценки реальной ситуации в отношении вида выполнения, требуемого от государства-участника в соответствии с договором. Однако следует принять во внимание положение другого участника или других участников договора, которые могут столкнуться с тем, что их право на выполнение контрагентом его обязательств исчезло в результате конфликтной ситуации в этом государстве. И это вопрос не толкования, а, скорее, исполнения договора. Вопрос заключается в том, может ли государство, которое не может сослаться на свое внутреннее законодательство в оправдание неисполнения международного договора, привести в качестве такого оправдания возникновение внутреннего конфликта. Это предполагает ситуацию, аналогичную той, что предусмотрена в статье 61 Венской конвенции о праве международных договоров. Хотя данный вопрос выходит за рамки определений, приведенных в проекте статьи 2, он требует рассмотрения в будущем.

34. Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*) способствует установлению мировой системы правосудия, которая лишает лиц, совершивших преступление, возможности найти убежище. К тому времени, когда учреждался Международный уголовный суд, государства пришли к пониманию того, что существует определенное, по крайней мере, моральное обязательство действовать, либо выдавая, либо осуществляя судебное преследование в отношении лиц, обвиняемых в совершении наиболее тяжких преступлений. Однако, для того чтобы иметь возможность выбирать между выдачей и осуществлением судебного преследования, государство должно обладать юрисдикцией, иначе единственным

вариантом остается выдача, что в принципе возможно только в том случае, если существует двойное инкриминирование. Поэтому теоретически возможно, что государство окажется не в состоянии осуществить выдачу по причине отсутствия договора или двойного инкриминирования и одновременно не в состоянии осуществить судебное преследование по причине отсутствия юрисдикции. Ситуация такова, что принцип *aut dedere aut judicare* направлен на борьбу, а универсальная юрисдикция стала важным его дополнением.

35. Обычно государство, в котором совершено преступление, обладает юрисдикцией по осуществлению судебного преследования за международное преступление. Однако на практике возможны ситуации, когда государства, на территории которых не было совершено это преступление, также обладают юрисдикцией, в зависимости от степени связи с преступлением (принцип активной правосубъектности, принцип пассивной правосубъектности или охранительный принцип). В последнее время обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование стало включаться во многие международные договоры, касающиеся международных преступлений, что не только дает государствам-участникам право, но и возлагает на них обязательство осуществить универсальную юрисдикцию. Это обязательство предполагает действие либо в форме выдачи, либо в форме судебного преследования, если подозреваемое лицо находится на территории государства.

36. В отношении вопроса о том, вытекает ли обязательство *aut dedere aut judicare* исключительно из международных договоров или оно является общим обязательством по международному обычному праву, Нидерланды считают, что обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование представляет собой создаваемое международным договором обязательство по осуществлению судебного преследования лица, которому отказано в выдаче за преступления, в отношении которых Нидерланды обладают уголовной юрисдикцией на основе универсальной юрисдикции, конкретных международных договоров или своего внутреннего законодательства. Эта позиция вытекает, с одной стороны, из международного права в области прав человека, которое запрещает произвольное лишение свободы, из конституции Нидерландов, в которой прямо запрещено любое лишение свободы, не основанное на письменной норме права, а также из

статьи 2 Закона о выдаче, который предусматривает, что выдача может осуществляться только на основании международного договора, участником которого являются Нидерланды. В последние годы Нидерланды вводят законодательство, признающее универсальную юрисдикцию и последствия соблюдения нормы *aut dedere aut judicare*, закрепленной в ряде международных договоров, посредством кодификации законов о выполнении, касающихся международных преступлений (военных преступлений, геноцида и применения пыток) и преступлений против человечества, а также посредством отзыва своих оговорок к ряду международных договоров в отношении предварительного условия, согласно которому просьба о выдаче должна быть подана и отклонена до осуществления уголовной юрисдикции. По последнему пункту разрабатывается соответствующее законодательство. Хотя в некоторых многосторонних договорах предусмотрено обязательство *aut dedere aut judicare*, из этого необязательно следует, что существует общая норма обычного права в отношении универсальной юрисдикции, которая возлагает такое обязательство на государства, не участвующие в договоре. Эта точка зрения соответствует выводам Международного комитета Красного Креста, содержащимся в его исследовании по международному обычному праву.

37. Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование толкуется Специальным докладчиком как предоставление государству выбора между этими двумя вариантами, но такая точка зрения предполагает наличие выбора, тогда как на практике он не всегда существует по причинам, указанным выше. Специальный докладчик считает также, что может существовать и третий вариант: передача дела в компетентный международный суд. Нидерланды относятся к этому варианту скорее как к одной из форм выдачи, возможной только при наличии просьбы. Что касается отсутствия системы контроля, она вряд ли добавила бы что-то новое к тому, что уже известно.

38. В вопросе о приоритетной юрисдикции, если цель состоит в том, чтобы лишить убежища лиц, совершивших тяжкие преступления, интересной представляется идея, согласно которой, возможно, государства, обладающие приоритетной юрисдикцией, имеют обязательство по осуществлению юрисдикции и с этой целью могут запросить выдачу подозреваемого. Эта концепция соответствует принципу дополняемости в Римском статуте Международного уголовного суда, в соответствии с которым государства прежде всего

обязаны осуществить судебное преследование и только в случае, если государство не желает или не может сделать этого, юрисдикцией обладает Суд.

39. Обязательство должно касаться в первую очередь преступлений, в отношении которых уже существует универсальная юрисдикция согласно договору: военные преступления, геноцид, применение пыток и терроризм. Хотя Римский статут предполагает осуществление юрисдикции на национальном уровне в отношении преступлений против человечества, на данный момент заключены только два документа по конкретным преступлениям против человечества: Конвенция против пыток и Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него. Нидерланды выступают за создание режима универсальной юрисдикции, распространяющегося на весь набор категорий преступлений, предусмотренных в статье 7 Римского статута. Создание универсальной юрисдикции послужит средством, обеспечивающим доступность обоих вариантов, – *dedere* и *judicare* – с тем чтобы исключить и безнаказанность, и возможность получения убежища.

40. После учреждения Международного уголовного суда и событий 11 сентября 2001 года в Нидерландах вновь оживилась дискуссия по вопросу об универсальной юрисдикции и принципу *aut dedere*. Посредством внедрения норм Римского статута в Нидерландскую правовую систему и кодификации норм о соответствующих международных преступлениях парламент предоставил прокуратуре возможность рассматривать сложные уголовные дела, возникающие из договорных обязательств *aut dedere aut judicare*. В результате было возбуждено судебное преследование в отношении ряд лиц в соответствии с универсальной юрисдикцией; эти дела кратко изложены в приложении к письменному заявлению нидерландской делегации.

41. Относительно фрагментации международного права выступающий согласен, что она является результатом нескоординированного расширения международного права; из средства регулирования официальных дипломатических отношений международное право превратилось в инструмент, регулирующий огромное разнообразие международной деятельности. В некоторых случаях фрагментация может привести к коллизии между различными нормами и тем самым подорвать их выполнение.

42. Основа, которую обеспечивает Венская конвенция о праве международных договоров, действительно предоставляет международному сообществу

возможность унифицировать международное право. Поэтому Комиссии было бы целесообразно изучить и вопрос о применении подпункта с) пункта 3 статьи 31 Конвенции и выработать руководящие принципы в отношении его применения. Широкая формулировка этого подпункта является для толкователя какого-либо международного договора ценным средством разрешения коллизии правовых норм. Комиссия могла бы также пополнить прецедентное право Международного суда, начиная с дела о нефтяных платформах.

43. Оратор согласен с заключительной рекомендацией Комиссии, согласно которой коллизии между нормами международного права должны разрешаться в соответствии с принципом гармонизации. Существует аксиома, что основные принципы международного права, такие как *pacta sunt servanda*, приоритет обязательства *jus cogens* перед всеми другими обязательствами по международному праву и противопоставление обязательств *erga omnes* для всех государств будут и впредь служить средствами, препятствующими фрагментации. Государства могут также укрепить соблюдение этих принципов с помощью своих двусторонних и многосторонних контактов; этому будут способствовать также международные суды и трибуналы и работы специалистов в области международного права.

44. **Г-н Ван Чен** (Китай) говорит, что проекты статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров, как отметил Специальный докладчик, являются предварительными по своему характеру и нуждаются в обосновании. Некоторые международные договоры, участниками которых являются международные организации, могут в той или иной степени касаться вооруженных конфликтов. На практике международные организации напрямую участвуют в нескольких вооруженных конфликтах. Поэтому эти конфликты, скорее всего, имеют прямые последствия для договоров, заключенных такими организациями, а также для других государств – участников этих договоров. По этой причине договоры, заключенные международными организациями, должны быть включены в рассмотрение данной темы.

45. Военная акция, проводимая государством против внутренних групп повстанцев, не должна подпадать под действие проектов статей, но это не означает, что государство может пренебрегать своими международными и договорными обязательствами. Государство несет ответственность за выполнение

обязательств по договорам на международном уровне; внутренние конфликты, как правило, не имеют прямого отношения к надлежащему выполнению международных договоров.

46. Определение термина “вооруженный конфликт”, содержащееся в резолюции 1985 года, принятой Институтом международного права, отражает традиционное и общепринятое понимание вооруженного конфликта и должно служить в качестве базового. Хотя определение термина “вооруженный конфликт”, данное Международным трибуналом по бывшей Югославии в деле Тадича, включает конфликты между различными вооруженными группами внутри государства, это определение имеет отношение только к этому конкретному судебному процессу и не представляется общепринятым в целом.

47. Намерение государств-участников на момент заключения договора действительно имеет важное значение для этого договора. Тем не менее, поскольку в Уставе Организации Объединенных Наций прямо запрещено применять силу в международных отношениях, государства-участники не должны предусматривать различные последствия, которые могут иметь состояние мира или состояние войны для положений договора, и поэтому в договорном праве не существует такого понятия как предположение относительно вооруженного конфликта. Следовательно, критерий намерения для установления последствий вооруженного конфликта для международного договора представляется устаревшим. Возможно, было бы целесообразнее установить, сохранится ли действие договора во время вооруженного конфликта на основе жизнеспособности самого договора и контекстуального подхода, включающего изучение объекта и цели договора, а также характера и масштаба вооруженного конфликта.

48. Проект статьи 3 о прекращении или приостановлении *ipso facto* представляет собой отход от традиционной точки зрения, согласно которой возникновение вооруженного конфликта означает прекращение действия международного договора. В проекте этой статьи разъясняется и оправдывается практика, сложившаяся со времен Второй мировой войны, и охраняется жизнеспособность договора. Поэтому эту статью следует сохранить.

49. В проекте статьи 7 содержится полезный перечень видов договоров, которые остаются в силе во время вооруженных конфликтов. Комиссии также следует изучить элементы, которые являются общими

для таких договоров, с тем чтобы обеспечить более практичное руководство на будущее. Ей следует также рассмотреть вопрос о взаимосвязи между законностью применения силы и положениями Устава Организации Объединенных Наций относительно применения силы и самообороны, а также о различных последствиях законного и незаконного применения силы для договорных отношений.

50. Предварительный доклад Специального докладчика об обязательстве выдавать или осуществлять судебное преследование (A/CN.4/571 и Согг.1) помог прояснить, на чем будет сосредоточена будущая работа по этой теме. В настоящее время международная безопасность и развитие подвергаются серьезным угрозам со стороны международной и транснациональной преступности и терроризма. Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование имеет огромное практическое значение для развития эффективного международного сотрудничества в борьбе с этими преступлениями и прекращения безнаказанности. Поэтому при изучении данной темы необходимо уделять больше внимания прогрессивному развитию соответствующих норм, нацеленных на укрепление сотрудничества в этой сфере.

51. Прежде всего Комиссия должна проанализировать договорные положения и изучить практику государств в области применения международных договоров, их законодательство и прецедентное право, с тем чтобы определить, является ли обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование чисто договорным обязательством или общим обязательством по международному обычному праву. Многие последние международные договоры предусматривают обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование в отношении определенных преступлений. С учетом универсального характера этих договоров представляется, что в некоторых областях, таких как борьба с терроризмом, обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование постепенно признается всем международным сообществом. Поэтому было бы полезно изучить взаимосвязь между обязательством выдавать или осуществлять судебное преследование и принципами суверенитета, защиты прав человека и универсальной юрисдикции или взаимного влияния этих принципов друг на друга.

52. Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование должно применяться в

отношении серьезных международных и транснациональных преступлений, включая военные преступления, преступления против человечества, геноцид, применение пыток и террористические акты, а в некоторых случаях и преступления, предусмотренные внутригосударственным правом, которые наносят серьезный ущерб государству и интересам народа. Традиционные аргументы против выдачи за последние преступления препятствовали наказанию преступников. Такая безнаказанность будет прекращена, если возложить на государства обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование за такие преступления, а это, в свою очередь, поможет восстановить правопорядок и укрепить правосудие.

53. Доклад, представленный Исследовательской группой, по фрагментации международного права (A/CN.4/L.682 и Согг.1 и Add.1) имеет большую научную ценность, и его выводы послужат полезным источником практической информации. Поэтому правительства, международные организации и юристы должны тщательно изучить эти документы.

54. **Г-н Алдай** (Мексика) говорит, что обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование является краеугольным камнем международного уголовного права. Генеральная Ассамблея сделала его частью антитеррористической стратегии Организации Объединенных Наций и рассматривает его как ключевой принцип в международной борьбе с терроризмом. Его растущая значимость для государств проявилась в том, что оно включено в ряд международных договоров, таких как Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Однако обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование не является ни универсальным принципом, ни признанной нормой международного обычного права.

55. По мнению Специального докладчика, при рассмотрении этого вопроса необходимо также изучить вопрос об универсальной юрисдикции, которая применяется только в отношении преступлений, носящих настолько серьезный характер, что они затрагивают международное сообщество в целом. В случае совершения таких преступлений государство имеет как право, так и обязанность осуществить универсальную юрисдикцию. Государство, которое арестовало лицо, совершившее такое преступление, но которое не в состоянии судить его с соблюдением всех

сопутствующих гарантий справедливого судебного разбирательства, должно выдать его такому другому государству, которое подало просьбу в надлежащей форме, либо международному уголовному суду.

56. Принцип *aut dedere aut judicare* был также закреплен в ряде международных договоров, что свидетельствует о его применении к преступлениям, на которые не распространяется универсальная юрисдикция. Важно провести разграничение между самим принципом и осуществлением универсальной юрисдикции, с тем чтобы предотвратить злоупотребление юрисдикцией по политическим или иным причинам. Оратор согласен со Специальным докладчиком в том, что “обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование толкуется как альтернатива, дающая государству возможность решить, какую часть этого обязательства оно собирается выполнить” (A/CN.4/571, пункт 49). Это ставит в центр дискуссии вопрос об осуществлении государственного суверенитета. Эффективное применение принципа означает усиление полномочий как местных судов, так и международных уголовных судов. Включение принципа в юридическую практику, как национальную, так и международную, послужит укреплению роли Международного уголовного суда. Однако надлежащее применение этого принципа окажется невозможным лишь на основе кодификации. Оно зависит также от воли государств, которые должны бороться с безнаказанностью, используя уголовное право. Именно они должны установить баланс между своими национальными системами уголовного правосудия и международным порядком.

57. **Г-н аль-Адхами** (Ирак), ссылаясь на главу X (Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров), соглашается с тем, что Специальному докладчику следует изучить последствия вооруженных конфликтов для договоров, заключенных международными организациями. Он также считает необходимым изучить последствия вооруженных конфликтов для международных договоров, которые еще не вступили в силу или которые еще не ратифицированы участниками конфликта, с тем чтобы предотвратить расхождения во мнениях по вопросу, связанному с пунктом b) проекта статьи 2; поскольку внутренние вооруженные конфликты могут привести к неприменению некоторых договоров, их также следует включить в текст.

58. Относительно проекта статьи 4 намерение сторон является одним из важнейших факторов при

установлении вероятности прекращения или приостановления действия договора, когда в самом договоре не содержится каких-либо положений по этому вопросу и когда подготовительная работа, условия, в которых заключался договор, и характер договора не позволяют решить этот вопрос.

59. Оратор поддерживает намерение Специального докладчика вернуться к рассмотрению проекта статьи 7, который его правительство не готово принять.

60. **Г-н Сандовал Бернал** (Колумбия), комментируя главу X (Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров), говорит, что при изучении или пересмотре права международных договоров необходимо уделять должное внимание основополагающему принципу *pacta sunt servanda* как норме *jus cogens*, имеющей обязательную силу для всех членов международного сообщества. Выполнение договорных обязательств, в свою очередь, регулируется принципом добросовестности, закрепленным в пункте 2 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций.

61. Соблюдение международных договоров и их добросовестное исполнение гарантируют международный мир и безопасность. Любые лазейки, которые позволяют прекратить действие международных соглашений в порядке, не совместимом с международным правом, нарушат гармонию в отношениях между нациями и приведут к бесконечным спорам.

62. Венская конвенция о праве международных договоров должна служить правовым ориентиром в любой работе, связанной с правом международных договоров. Поэтому очень важно избегать нового толкования или пересмотра ее положений, которые могут изменить их дух и содержание. Международный суд неоднократно выносил постановление, что большинство статей Конвенции закрепляют нормы обычного права, что усиливает их правовую значимость.

63. Нормы о прекращении и приостановлении действия международных договоров, предусмотренные в этом документе, являются точными и жесткими, и это еще одна из причин для проявления осторожности при рассмотрении возможных последствий вооруженных конфликтов для международных договоров. Все международные договоры должны в полной мере соблюдаться их сторонами, для которых эти договоры являются законом. Действительность и внутренняя незыблемость некоторых международных договоров в

связи с их предметом не могут быть подорваны ни по какой причине. И подпункт а) пункта 2 статьи 62 Венской конвенции 1969 года и статья 11 Венской конвенции 1978 года о правопреемстве государств в отношении договоров предусматривают, что никакие существенные изменения обстоятельств не могут служить основанием для прекращения действия договора, устанавливающего границы, или для выхода из такого договора. Следовательно, при рассмотрении вопроса о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров Комиссия должна исходить из того, что вооруженные конфликты не могут оправдать несоблюдение договоров.

64. Определение термина “международный договор” должно совпадать с определением, содержащимся в пункте а) статьи 2 Венской конвенции 1969 года, и поэтому ограничиваться только такими договорами, которые уже действуют и регулируются международным правом. Во избежание излишнего повторения в данный проект статьи необходимо внести ссылку на это определение, а не повторять его полностью. Определение термина “вооруженный конфликт” в пункте b) проекта статьи 2 действительно является тавтологией. Во избежание неточного или неполного определения в данном проекте статьи следует просто сослаться на Женевские конвенции 1949 года. Нет смысла включать определение термина “внутренний вооруженный конфликт”, поскольку такие конфликты не затрагивают отношений между государствами и поэтому не должны приводить к прекращению или приостановлению действия существующих договоров, если иное не предусмотрено в соответствующем договоре. Не следует также включать и военную оккупацию.

65. Текст проекта статьи 3 следует сохранить в нынешнем виде в целях обеспечения определенности, за исключением того, что ее название следует заменить на “Действительность международных договоров”. Проект статьи 4 основан на презумпции, что при заключении договоров государства обычно рассматривают возможность возникновения вооруженных конфликтов после вступления в силу этих документов, тогда как на самом деле договоры заключаются с целью укрепления отношений между государствами, развития сотрудничества и предотвращения споров и конфликтов. По этой причине нецелесообразно сохранять этот проект статьи, основанный на намерении сторон приостановить или прекратить действие договоров в случае вооруженного конфликта.

66. Проект статьи 5 является ненужным и приведет к неправильному толкованию. Если в результате вооруженного конфликта действие договоров в целом не приостанавливается и не прекращается, это тем более относится к договорам, в которых прямо предусмотрена такая ситуация. Проект статьи 5 будет абсолютно излишним, если останется проект статьи 4. Воля сторон прямо выражена наличием таких договоров, и поэтому нет необходимости в таких оговорках. Более того, возникновение вооруженного конфликта явно не мешает сторонам заключить правовые соглашения относительно приостановления действия договора или отказа от него в связи с подобными ситуациями. Поэтому пункт 2 проекта статьи не служит какой-либо значимой цели. В юридическом аспекте вооруженные конфликты никогда не ослабляют и не отменяют суверенного права государства на заключение договоров.

67. Проект статьи 6 также является излишним и должен быть исключен. Хотя необходимо включить какую-либо статью, соответствующую по смыслу проекту статьи 7, она не должна содержать произвольный перечень международных договоров, которые могут создать презумпцию *a contrario* (от противоположного), что не включенные международные договоры автоматически прекращают действие во время вооруженного конфликта. Вместо этого в проекте статьи 7 следует изложить руководящие принципы для точного установления, какие именно договоры, в силу своего характера или цели, никогда не могут быть затронуты вооруженным конфликтом. При разработке такого положения одним из руководящих принципов должна быть незыблемость определенных договоров по причине их предмета. Если перечень договоров, применяемых даже во время вооруженного конфликта, все-таки сохранится, он должен включать договоры об установлении границ.

68. **Г-н Кузьмин** (Российская Федерация), касаясь проектов статей об ответственности международных организаций, выражает принципиальное согласие с проектом статьи 28. Государства не должны иметь возможность уклониться от своей ответственности, скрываясь за “ширмой” международных организаций. Однако текст следует отредактировать, с тем чтобы провести четкое разграничение между ситуацией, когда наделение какой-либо организации компетенцией в определенной области является само по себе нарушением международного права, и ситуацией, когда компетенция правомочна, но осуществляется она незаконно. Проект статьи 29 ясно предусматривает, что

ответственность международной организации за намеренно противоправное деяние вытекает из ее статуса как субъекта международного права. В результате проект статьи ограничивает случаи, когда государство может нести ответственность за действия такой организации. Однако может случиться так, что международная организация будет не всегда в состоянии выплатить компенсацию жертвам своих намеренно противоправных деяний. Поэтому выступающий предпочитает формулировку подпункта а) пункта 1 проекта статьи 29 по сравнению с той формулировкой, в которой изложен подпункт б). Государство, которое возложило на международную организацию статус субъекта права, должно также обеспечить ее средствами для выполнения ее функций, включая те, в результате которых она несет ответственность перед третьим лицом. Следует также четко указать, что государства и международные организации обязаны сотрудничать с целью прекращения противоправных деяний международной организации, как если бы она была государством.

69. Возвращаясь к проектам статей о праве трансграничных водоносных горизонтов, которые могли бы стать международной конвенцией, он высказывается в пользу положения, содержащего в проекте статьи 3 о суверенитете государств водоносного горизонта в отношении частей трансграничного водоносного горизонта, расположенных на их территории. Было бы целесообразно четко предусмотреть в этих проектах статей, что суверенитет государства водоносного горизонта также регулируется нормами и общепринятыми принципами международного права. Проект статьи 14 должен четко предусматривать, что правовой режим деятельности, охватываемой проектами статей, может быть установлен только с согласия государства водоносного горизонта. Вопрос о том, должна ли тема "Общие природные ресурсы" касаться проблем, связанных с нефтью и газом, нуждается в дополнительном рассмотрении. Оратор считает, что в настоящее время отсутствует необходимость в универсальных нормах по этому вопросу.

70. Оратор поддерживает Руководящие принципы об односторонних заявлениях государств и с удовлетворением отмечает, что Комиссия ограничилась принципами, регулирующими заявления, которые сделали государства с целью принятия обязательств по международному праву. Он согласен с указанием в преамбуле к Руководящим принципам о том, что государства не могут быть связаны обязательствами, если они прямо не заявили об этом. Разумеется,

односторонние акты подобного рода не могут быть кодифицированы. При разработке Руководящих принципов Комиссия придерживалась правильного подхода, обозначив конкретные характеристики односторонних актов, вместо того чтобы слепо копировать Венскую конвенцию о праве международных договоров. Как он считает, текст Руководящих принципов вполне готов для представления на Генеральной Ассамблее.

71. Оратор приветствует работу Комиссии по фрагментации международного права и особенно акцент на системном характере международного права, взаимосвязи между различными категориями норм и оптимальными методами толкования и применения международного права. Концепции *jus cogens* и обязательства *erga omnes* имеют существенное значение для сохранения целостности международного права. Он поддерживает указание на принцип гармонизации, содержащееся в выводе 42 Исследовательской группы. С учетом этого принципа "опасность" фрагментации становится гипотетической. Проект Комиссии по этой теме послужит в конечном счете ценным инструментом в повседневной работе министерств иностранных дел и уже сейчас может быть представлен Генеральной Ассамблеей на рассмотрение государств.

72. Оратор поддерживает проект руководящих принципов, принятый Комиссией по оговоркам к международным договорам. В проекте проясняются вопросы, не охваченные Венскими конвенциями: какие виды оговорок допускаются и какие оговорки запрещаются и разрешаются по условиям договора. Однако он выражает некоторые опасения относительно проекта руководящего принципа 2.1.8, касающегося процедуры в случае явно недействительных оговорок. Этот проект противоречит понятию чисто технической функции депозитария, которое предусмотрено в Венской конвенции о праве международных договоров. Он не возражает против того, чтобы депозитарий обладал полномочием судить о том, является ли оговорка явно недействительной, но полномочия депозитария не простираются дальше этого. В комментарии следует четко указать, что проект руководящих принципов не предназначен для ненадлежащего расширения этих полномочий. Следует также включить определение термина "явная недействительность".

73. Относительно предварительных выводов Комиссии об оговорках к нормативным многосторонним договорам, включая договоры о

правах человека, оратор призывает придерживаться осторожного подхода к вопросу о том, имеют ли право органы по наблюдению за осуществлением договоров выносить решение относительно действительности оговорок. Установление объекта и цели международного договора не означает то же самое, что толкование его положений. Следует провести разграничение между правом решать, что оговорка является явно недействительной, и правом оценивать ее действительность с учетом объекта и цели договора. Эти два вида оценки могут иметь разные правовые последствия, и было бы целесообразнее просто указать, что органы по наблюдению могут выносить рекомендации в отношении действительности оговорок. В предварительных выводах ничего не говорится о том, должны ли органы по наблюдению учитывать прежние позиции государств относительно оговорок и каким образом они могут сделать это. Более того, неясно, как следует поступать, если орган по наблюдению и государства – участники договора придерживаются разных мнений по вопросу о действительности той или иной оговорки. Когда Комиссия приступит к рассмотрению последствий недействительных оговорок, следует обратить на это внимание.

74. И наконец, касаясь вопроса о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров, оратор поддерживает главное положение, содержащееся в проекте статьи 3, что возникновение вооруженного конфликта *ipso facto* не приостанавливает и не прекращает действия договоров. Однако принцип автоматического прекращения будет, как и прежде, применяться к некоторым категориям международных договоров, особенно к договорам о дружбе и сотрудничестве. Именно поэтому выражение “*ipso facto*” не следует заменить на выражение “необязательно”. В проекте статьи 3 необходимо также провести разграничение между последствиями вооруженных конфликтов для участников договора, которые являются сторонами в конфликте, а также между сторонами в конфликте и третьими сторонами. Проекты статей должны также предусматривать последствия вооруженных конфликтов для международных договоров с участием международных организаций и последствия для договоров, которые уже подписаны, но еще не вступили в силу, и для договоров, действующих временно. Проекты статей не должны распространяться на внутренние вооруженные конфликты, которые уже регулируются общими нормами Венской конвенции о праве международных

договоров относительно обстоятельств, при которых действие договора может быть прекращено. Оратор считает, что “намерение сторон” вряд ли может служить критерием для установления последствий вооруженного конфликта. Этот критерий является субъективным и вспомогательным по отношению к другим более важным критериям, таким как характер вооруженного конфликта, стороны в конфликте, сфера применения договора во время вооруженного конфликта и объект и цель договора.

75. *Г-н Баррига (Лихтенштейн), заместитель Председателя, занимает место Председателя.*

76. **Г-н Серрадаш Тавариш** (Португалия), комментируя проекты статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров, говорит, что необходимо доработать некоторые ключевые вопросы. Например, предлагаемое определение термина “вооруженный конфликт” должно учитывать более современные концепции, такие как те, что отражены в докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Целесообразнее ввести более широкое определение, с тем чтобы решать в каждом конкретном случае, какие виды военных действий могут иметь последствия для конкретных договоров. Он не поддерживает предложение о включении внутренних конфликтов в сферу применения проектов статей. Внутренние конфликты не затрагивают напрямую договорные отношения между государствами – участниками договора и должны рассматриваться в рамках Венской конвенции о праве международных договоров. Проекты статей должны ограничиваться ситуациями, когда сильно дестабилизированы отношения между государствами-участниками. Он разделяет мнение Комиссии о том, что государство-агрессор не должно находиться в одинаковом положении с государством, осуществляющим свое право на самооборону.

77. Его делегация по-прежнему сомневается в целесообразности включения в проект статьи 3 общей нормы о сохранении действия договора, которая сама по себе составляет суть темы. Поскольку ни в договорной практике, ни в практике государств невозможно найти достаточных примеров, лучше вообще не формулировать какое-либо общее правило. Более того, ссылки на “намерение сторон” в проекте статьи 4 вводят довольно субъективный критерий, поскольку такое намерение не так легко определить. Нереалистично полагать, что стороны договора при его заключении предвидят последствия вооруженных

конфликтов для этого договора. Было бы целесообразнее выбрать более объективные критерии, такие как объект и цель договора, нормы договора или законность действий каждого участника конфликта.

78. Проект статьи 7 заслуживает поддержки в том, что включаются нормы гуманитарного права, права в области прав человека или *jus cogens*. Поддерживая выбранный метод разбивки договоров на категории, его делегация, тем не менее, готова согласиться и с другими подходами, которые обеспечат те же результаты.

79. Возвращаясь к главе XI об обязательстве выдавать или осуществлять судебное преследование, оратор выражает общее согласие с предложениями Комиссии относительно продолжения работы по этой теме, а также с ее осторожным подходом к сфере охвата темы. Он подчеркивает важность разъяснения и согласования процедур соблюдения этого обязательства и стимулирования тесного сотрудничества между государствами. Португалия как участник ряда двусторонних, региональных и универсальных договоров о выдаче или осуществлении судебного преследования выступает за тесное сотрудничество с другими государствами в целях недопущения существования убежищ. Однако она сделала некоторые оговорки к этим договорам в соответствии со своей собственной конституцией, которая запрещает выдачу по политическим причинам или за преступления, которые повлекут неоправданно строгие наказания в запрашивающем выдачу государстве. Португальские граждане могут быть выданы только в случае терроризма и международной организованной преступности, а также если договором предусмотрены условия взаимности и если закон запрашивающего государства гарантирует справедливое судебное разбирательство. Политические преступления, за которые не допускается выдача, конкретно исключают преступления, признанные в международном обычном праве, такие как геноцид, преступления против человечества и военные преступления.

80. Комментируя работу Исследовательской группы по фрагментации международного права (глава XII), оратор выражает согласие с мнением о том, что не существует однородной системы международного права. Однако международное право является подлинной “системой” норм, способных разрешить проблемы противоречащих друг другу режимов и судебных решений. Работа Комиссии направлена на привлечение внимания государств к этой проблеме.

Проект выводов, будучи исчерпывающим, нейтральным и хорошо обоснованным в прецедентном праве, является полезным инструментом для государств, сталкивающихся с конкретными проблемами при толковании и применении правовых норм. Он особенно приветствует выводы 31–42 по вопросам об иерархии в международном праве, *jus cogens*, обязательствам *erga omnes* и статье 103 Устава Организации Объединенных Наций. Он надеется, что Генеральная Ассамблея примет во внимание эти выводы и доведет их до сведения государств.

81. **Г-н Фитшен** (Германия), комментируя вопрос о фрагментации международного права, приветствует выводы Исследовательской группы. Он отмечает, что взаимосвязь между двумя или более международными договорами, охватывающими связанные между собой вопросы, иногда далеко не ясна, что вызывает трудности при их толковании. Дипломаты, представляющие государства на переговорах при разработке договора, хорошо сознают возможность дублирования предмета договора и поэтому избегают регулирования вопросов, которое может привести к объяснению или новой формулировке уже существующего документа. Защитительные оговорки в договорах являются очевидным свидетельством дилеммы, стоящей перед переговорщиками, и их решения в таких случаях отложить вопрос о том, как привести один договор в соответствие с другим на стадии применения. В конечном счете самим государствам предстоит осуществлять согласованное применение различных договоров, участниками которых они являются. Следует всегда исходить из того, что государства намереваются заключить договоры, которые можно и должно толковать согласованным образом. Это относится и к применению на национальном уровне, когда договоры включаются во внутреннее законодательство, и соответствующие положения внутреннего законодательства, должны быть приведены в соответствие с ними. Возникает также вопрос о том, как интерпретировать средства толкования, предусмотренные в Венской конвенции о праве международных договоров в условиях, когда существует множество коллизий между нормами международного права и когда значение положений договоров зависит от последующей практики, включая заявления правительств, международных организаций и других участников. Именно в этой области и состоит заслуга Комиссии, поскольку выводы содержат ряд важных идей, которые служат достижению цели, поставленной перед собой Комиссией.

82. Было бы целесообразно, чтобы участники переговоров о заключении будущих договоров при решении вопросов, связанных с коллизией между нормами международного права, имели бы при себе практические пособия по толкованию договоров. Учитывая то, что Комиссии может быть трудно составить еще один документ, пригодный для этой цели, делегация оратора готова принять любое практическое предложение по этому вопросу. Он особенно желает предложить для рассмотрения Комиссией следующий вопрос: “Адаптация международных договоров к меняющимся обстоятельствам: что является последующим соглашением и последующей практикой, и каким образом они влияют на применение и толкование международных договоров”.

83. **Г-н Линденманн** (Швейцария) приветствует выводы Исследовательской группы по фрагментации международного права. Он с пониманием относится к решению не воспроизводить само исследование в докладе Комиссии по причине ограниченности его объема. Тем не менее он выражает сожаление по этому поводу, учитывая ценность исследования, и надеется, что оно будет опубликовано в другой форме и широко распространено.

84. **Г-н Хмуд** (Иордания) выражает Комиссии признательность за ее работу по составлению проектов статей на такую важную тему, как “последствия вооруженных конфликтов для международных договоров”, которая является частью права международных договоров и должна рассматриваться отдельно от норм, регулирующих применение силы. Если отступление от договорных обязательств не рассматривать отдельно от вопроса о законности применения силы, это приведет к применению различных норм и разным правовым последствиям. Следует исходить из того, что война является исключительным обстоятельством, влияющим на применение договора, и что последствия такого применения должны быть минимальными.

85. В отношении проекта статьи 1 его делегация считает, что сфера применения должна распространяться на договоры, участниками которых являются международные организации. Права и обязательства международной организации по международному договору часто имеют существенные последствия для международных отношений и мировой экономики. Исключение таких организаций создаст пробел в праве в ситуациях, когда государства и

международные организации являются участниками одного и того же договора, особенно если договорные обязательства взаимосвязаны.

86. В проекте статьи 2 он предпочел бы упростить определение термина “вооруженный конфликт”, избегая вопросов, которые должны надлежащим образом регулироваться в других нормах. Однако Комиссии следует определить, что означает термин “международные договоры” в целях проектов статей с учетом определений, данных в других международных документах и иных областях международного права.

87. Он предпочел бы сохранить проект статьи 3, которая подтверждает общее правило, предусматривающее, что договорные обязательства должны применяться во всех ситуациях, а исключительные обстоятельства должны иметь минимальные последствия. В отношении вопроса о прекращении действия, термин “*ipso facto*” не подходит лучше, чем слово “необязательно”.

88. В отношении проекта статьи 4 его делегация признает важность “намерения”, которое может быть одним из главных факторов при установлении вероятности прекращения или приостановления действия договоров во время вооруженных конфликтов. Однако, поскольку доказательство намерения может быть проблематичным, если в договоре не содержится никакого положения относительно последствий войны, использование только критерия намерения будет иметь последствия двух видов. Во-первых, будет презюмироваться, что договор по-прежнему в полной мере применяется во время вооруженного конфликта. Во-вторых, сторона договора, принимающая участие в вооруженном конфликте, не будет иметь возможности приостановления или прекращения договора, даже если она обязана сделать это, и ей придется отступить от обязательств по договору, совершив таким образом неправомерное действие. Действительно, соответствующая сторона может воспользоваться нормами о международной ответственности, с тем чтобы предотвратить неправомерность, но такой вариант представляется неоправданно усложненным. Более того, как представляется, нет никакой причины рассматривать в проекте статьи 4 вопрос о вероятности приостановления или прекращения действия договора на основании намерения и при этом предусмотреть в иных отраслях международного права все другие возможные основания для отступления от обязательств по договору во время вооруженного конфликта. Поэтому он выступает за использование других

возможных факторов, влияющих на вероятность прекращения или приостановления действия, таких как характер обязательства, от которого отступает сторона, а также масштаб и характер вооруженного конфликта. Последний фактор является самостоятельным и не связанным с “намерением”, как и предусмотрено в проекте статьи 4.

89. Относительно проекта статьи 7 его делегация согласна с тем, что объект и цель некоторых договоров не допускают возможности приостановления или прекращения действия договора в случае вооруженного конфликта. Однако только те категории договоров, которые, как хорошо известно, будут иметь последствия, должны быть включены в сферу применения проекта этой статьи. Если разбивка договоров на категории окажется слишком проблематичной, заключительные комментарии к проектам статей должны указать некоторые такие категории договоров в качестве примера.

Заседание закрывается в 13 ч. 05 м.